

**Соловьев-Несмелов Николай
Александрович**

"Герои": Сбоник рассказов

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович С.**
"Герои": Сборник рассказов / Соловьев-Несмелов Николай Александрович –
М.: Книга по Требованию, 2026. – 84 с.

ISBN 978-5-519-74847-6

ISBN 978-5-519-74847-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— Погляди-ка, няня... часы... настоящіе!..
— Ай, батюшки!.. ходуномъ — ходять!..

„Тикъ-тикъ-тикъ — съ новымъ годомъ, Володя, будь здоровъ, дружокъ! Мама“, — прочиталъ неторопливо Володя.

— Я угадалъ... мама, мамочка подарила мнѣ часы! — сказалъ онъ, сіяющій, и разомъ сѣлъ на кровати; пружины безпокойно заволновались въ тюфякъ, и Володя невольно подпрыгнулъ.

Около дверей зашуршало шелковое платье; въ коридорѣ мелькнула легкая тѣнь; черезъ минуту изъ зала прозвучалъ радостный смѣхъ счастливой матери.

— Няня, няня!.. — громко звалъ Володя няню.

— Иду, иду!.. Проснулся, соколъ! — было отвѣтомъ изъ коридора. — Что, желанный, одѣться, умыться хочешь... Сейчасъ, сію минуту!..

— Погляди-ка, няня... часы... настоящіе!..

— Ай, батюшки!.. ходуномъ — ходятъ... и такъ-то говорятъ, такъ-то говорятъ внятно — на удивленіе!.. и цѣпь богатая!..

— Богатая, няня?!

— Золотая... Гляди, какъ жаръ горитъ!..

— Это мама подарила.

— Извѣстно, мама... вѣдь ты одинъ у мамы, какъ сердце у ней одно... и весь ты въ этомъ сердцѣ живешь!..

— А часы-то, няня, „тикъ-тикъ-тикъ — съ новымъ годомъ, съ новымъ годомъ!“ говорятъ.

— Ай, свѣты мои, съ новымъ годомъ поздравляютъ... Чудно!.. Одѣвайся-ка, соколъ... На-ка вотъ чулочки... сапожки высвѣтленные... А вотъ и рубашка голубая, и кушакъ малиновый — все новое на Новый годъ!..

— Новое все, новое, няня?!

— Сказываю новое!.. Смотри!.. у рубашки-то и кармашекъ, надо полагать, для часовъ изготовлень!..

— Дай-ка сюда!..

Няня подала голубую рубашку; Володя отъ волненія не могъ сразу найти карманъ, — руки у него дрожали; но вотъ онъ нашелъ его на лѣвой сторонѣ, опустилъ въ карманъ часы и торопливо пролепеталъ:

— Какъ разъ, няня... имъ хорошо будетъ въ кармашкѣ лежать!..

— Еще бы... прямо у сердца... Сердце-то твое — тукъ-тукъ-тукъ, а часы ему — тикъ-тикъ-тикъ!.. дружка съ дружкой и будутъ переговаривать, тебя утѣшать да напоминать: расти, живи въ добромъ здоровьѣ, Володюшка, мамѣ на радость, себѣ на счастье, Божьему міру на труды, на славу!.. — ласково говорила высокая, крѣпкая старуха-новгородка Прокофьевна; ясные голубые глаза ея смотрѣли умно, морщинистое лицо было спокойно, движенія неспѣшны и плавны, голосъ пріятенъ и ласковъ.

Двѣ-три минуты — и Володя обуть и полуодѣтъ.

— Вотъ славно... скорехонько нынче къ умывальнику пожаловалъ... Мой хорошенечко руки и личико сонное... при часахъ-то бѣлѣе надо быть, — улыбаясь умными глазами и добродушно шутя, подбадривала Прокофьевна Володю и тѣмъ удерживала его лишнюю минуту при умывальникѣ.

Володя страшно торопился и сильно брызгалъ водою по сторонамъ.

Вотъ онъ готовъ и... при часахъ... ладони пухлыхъ рукъ заложилъ за малиновый кушакъ — молодець-молодцемъ!.. Съ головы до пятъ русское дитя — недаромъ онъ родился въ Москвѣ: полныя щеки кровь съ молокомъ, прямой рядъ тонкой нитью раскинулъ направо и налево густые волосы на головѣ, большой лобъ бѣлъ и открытъ, сама радость глядитъ изъ его черныхъ бархатистыхъ глазъ...

Постоялъ Володя съ минуту въ дѣтской, придерживая правой рукой часы въ боковомъ карманѣ, точно боясь, какъ бы они оттуда кой-гдѣхъ не сбѣжали, тряхнулъ головой и... бѣгомъ-бѣгомъ къ мамѣ...

— Мамочка!..

— Володя!..

Прозвучали радостно, будто одинъ голосъ, голоса сына и матери... Володя припалъ къ груди мамы; мама цѣловала его въ лобъ, въ пылающія щеки. Володя лепеталъ:

— Благодарю, мама... очень, очень... крѣпко благодарю тебя.

— Родной мой.. ты доволенъ!..

— И-и... не могу сказать, какъ доволенъ!..

Они счастливы... И не часы, конечно, принесли имъ это счастье, — нѣтъ!.. Ихъ счастье — любовь; съ ней Володя счастливъ былъ въ 1887 году безъ часовъ, съ ней онъ будетъ счастливъ и въ 1888 году при часахъ... И дай ему Богъ этой любовью быть счастливымъ и дальше...

Этого же счастья любви и свѣтлой улыбки желаю и вамъ, мои друзья, въ этотъ 1902 новый годъ и потомъ въ другіе дальнѣйшіе новые года.

1887 г.

Сестра и братъ.

Не тронь, Сеня, не тронь ничего!..

— А вотъ возьму и трону, возьму и трону!..

— Не мѣшай мнѣ уроки готовить! Не вертись!.. чернила прольешь!

— Вотъ тебѣ!.. видишь — и пролилъ!..

Сеня подпрыгнулъ, отскочилъ отъ стола; его сѣрые глаза загорѣлись злымъ огонькомъ, пухлыя губы посинѣли, судорожно дрожали: онъ крикнулъ:

— У-у-у! Зинка, чтó взяла!

— Милый Сеня, чтó ты сдѣлалъ! Вѣдь ты новую книжку всю облилъ чернилами... мама будетъ огорчена... она только что купила эту книгу... у ней денегъ немного!

У блѣдной дѣвочки на ясныхъ голубыхъ глазахъ навернулись слезы, мелкимъ бисеромъ катились онѣ по щекамъ и падали на книжку, которая дрожала въ ея маленькихъ рукахъ.

— Что-о!.. мамѣ хочешь жаловаться?! попробуй только, пожалуись... тогда выпущу твою канарейку изъ клѣтки. У Васьки давно ужъ на нее зубы горять... каждый день онъ посматриваетъ на клѣтку и облизывается... онъ ее сцапаетъ — только косточки захрустятъ!..

— Сеня, успокойся, милый, ничего не скажу я мамѣ, ничего, и книжку не покажу ей... зачѣмъ ее тревожить, она цѣлые дни работаетъ... устаетъ.

— А-а, хочешь быть примѣрной, чтобы всѣ хвалили тебя... Сеня шалунъ, Сеня разбойникъ... Зиночка умница, паинька!..

— Ничего не хочу я, ничего, Сеня!.. ты, хорошій, милый, успокойся!..

— Испугалась, знаю я васъ, знаю... ты любимица у всѣхъ.

— И тебя мама любить, и тетя Тоня любить.

— Любятъ, да не совсѣмъ... Тебѣ вонъ шьютъ новенькія платица, а я, какъ замарашка, въ старенькихъ ходи... Шалунъ, оборветъ все, по деревьямъ лазаешь, птичьи гнѣзда разоряешь... И лазаю, и буду лазить... буду разорять!.. Я не дѣвчонка по угламъ сидѣть да нюнить!..

Сеня, взволнованный, топнулъ ногой и сталъ неудержимо метаться по дѣтской; его короткіе волосы поднялись, какъ у ежа щетина, его маленькій вздернутый носъ, казалось, еще сильнѣе вздернулся и мелькалъ желтой пуговкой; онъ зло брызгалъ слюной и вдругъ упалъ на полъ, началъ отчаянно бить пятками...

Зиночка поблѣднѣла и растерянно подбѣжала къ брату, припала къ груди его, цѣловала его въ щеки, въ лобъ.

— Милый, милый, успокойся! — молила она ласково.

Сеня дико взглянулъ на нее, крикнувъ:

— Отстань! — и затихъ.

Прошло пять-десять минутъ тяжелаго молчанія.

Вечернія сумерки застилали ужъ окна дѣтской; гдѣ-то хлопнули дверями.

Сеня вздрогнулъ — и обнялъ Зину; она поцѣловала его въ губы, омочила лицо его слезами. Сеня вдругъ вскочилъ, бросился вонъ изъ дѣтской.

Зина сидѣла неподвижно на полу. Она горячо любила брата, и всегда терялась, когда онъ болѣзненно волновался. И теперь она глубоко задумалась: „чѣмъ бы успокоить Сеню, чтобы онъ не злился, никогда не злился, — подарить хорошую книжку, — онъ книжекъ не

любить; купить мопсика, умного мопсика, — онъ его замучить, какъ мучить кота Ваську...

— Придумаю, придумаю! — повторила она разъ и два, поднимаясь, наконецъ, съ полу.

* * *

Сеня бросился изъ дѣтской, скользнулъ по коридору и черезъ кухню выбѣжалъ на черную лѣстницу. По лѣстницѣ тяжело поднимался длинной тѣнью, задыхаясь и часто останавливаясь, бѣлый старикъ; на груди его что-то шевелилось и звенѣло.

Бѣлый старикъ поднялся на площадку и остановился, опершись на палку. Сения столкнулся грудью съ бѣлымъ старикомъ. Серебряныя и бронзовыя медали прямо мелькнули въ глаза Сени съ сѣрой шинели.

— Дитятко, милое, помоги старому!

— Пошелъ, пошелъ..

— И пойду, родненькій, пойду!.. Христось съ тобой... пожалѣй моего внука Кирюшу... такой же махонькой!..

Сения замолкъ; злой огонекъ пропалъ въ его сѣрыхъ глазахъ; сердце сжалось, и, казалось, въ немъ явилась жалость. Печальный голосъ старика, его слова „Христось съ тобой!“.. „Такой же махонькой!“.. тронули Сению.

— Стой, дѣдка, погоди!

— Постою, милый, постою!..

Сения пробѣжалъ на кухню, тамъ не было никого; онъ живо отворилъ шкафъ, схватилъ сдобную булку, пару кренделей и зачѣмъ-то сцѣпилъ съ плиты камешекъ - голышъ, который въ этотъ день принесла кухаркина дочка, Нюта, изъ прачечной и цѣлый день играла имъ. Черезъ минуту Сения стоялъ уже вблизи бѣлаго старика.

— На, дѣдка, бери... все тебѣ: вотъ хлѣбъ, вотъ камешекъ!

— Спасибо, родной, спасибо и на хлѣбѣ, и на камешкѣ. Намъ съ внукомъ Кирюшей и камешекъ годится; хлѣбца пожую за твое здоровье, камешкомъ — старый да малый — поиграемъ, — все утѣха!.. Расти, Христось съ тобой, добрый да умный!.. Сердце у тебя хорошее!

И бѣлый старикъ смотрѣлъ на Сеню такъ проника-тельно, мягко, что, казалось, тихій взоръ его безцвѣт-ныхъ глазъ, нѣсколько покрытыхъ слезой, глубоко уходилъ въ душу Сени... Онъ безъ словъ говорилъ: „вижу, все вижу, что тамъ есть и что было!“..

Сеня дрожалъ. Старикъ заколыхался, и, придерживаясь за перила, медленно сталъ спускаться по ступенямъ лѣстницы. Сеня стоялъ и провожалъ его долгимъ взгля-домъ, ему словно не хотѣлось разстаться съ этимъ бѣлымъ старикомъ.

* * *

Въ квартирѣ уже горѣли огни. Зина сидѣла за книгой, молчаливая и углубленная. Сеня неслышно вошелъ въ дѣтскую; тихо подошелъ къ Зинѣ, и, чего никогда не бывало съ нимъ, обвилъ ея тонкую, словно птичью шею правой рукой и поцѣловалъ въ щеку.

Зина подняла голову и посмотрѣла на него долго, такъ ласково, хорошо посмотрѣла, что и на душѣ Сени стало такъ хорошо, тепло, какъ никогда у него не было.

— Знаешь что, Зина, — шепнулъ онъ, — я тебѣ дамъ изъ своей копилки шестьдесятъ копеекъ, на нихъ ты купишь новую книжку... а эту сожжемъ, сожжемъ!..

— Благодарю, Сенюша... книжку я куплю, а эту спря-чу. Будемъ большіе, и она намъ скажетъ, какъ мы лю-били другъ друга, ссорились и любили... Хорошо?!

— Хорошо! — протянулъ задумчиво Сеня.

Онъ отошелъ въ сторону, сѣлъ, грустно склонилъ го-лову и смотрѣлъ въ одну точку на дверь, словно под-жидалъ кого.

Вошла въ дѣтскую мать.

— Что, мои дѣтки, задумались, что подѣлываете?..

— Я, мама, списывала съ книжки, теперь учу про себя стихотвореніе: „Прохожу по нивѣ узкою межей“...

— А ты, Сеня, что дѣлаешь?

— Ничего, мама... усталъ, думаю.

— О чемъ же думаешь!

— О тебѣ, о Зинѣ, о себѣ...

— Что же это съ тобой случилось?

Старикъ медленно сталъ спускаться... Сешя провожалъ его долгимъ
взглядомъ.

— Ничего, мама. Зина говоритъ, ты устаетъ, много работаешь.

— Нельзя, мои родные, мнѣ не работать. Я одна у васъ... пенсіи покойнаго папы на насъ троихъ не хватаетъ, вотъ и работаю... Я рада, очень рада, что ты, Сенюша, начинаешь понимать, что жить — это трудиться, это быть полезнымъ своимъ и чужимъ людямъ.

Сеня молча обнялъ маму; мать тихо погладила его по щетинистой головѣ; припала къ матери и Зина и обвила ея шею тонкими руками.

— Вотъ я теперь и отдохнула съ милыми дѣтками! — сказала, весело улыбаясь, мама и вышла изъ дѣтской.

* * *

Ночь. Всѣ спятъ въ квартирѣ. Спятъ и Сеня, и Зина, и видятъ они хорошіе сны. Зина видитъ: будто идетъ она по Гостиному двору съ тетей Тоней и говоритъ ей: „Знаешь, тетечка, купимъ мы Сенѣ на мои деньги готовую матроску, у меня скопилось пять рублей, хватить, вѣдь?... а то онъ ходитъ въ старенькой и ему обидно, а у мамы теперь нѣтъ лишнихъ денегъ...“ — „Хорошо, милая, хорошо купимъ“, говоритъ тетя. Они вошли въ магазинъ и купили матроску. Зина сіяла и всю дорогу повторяла: „какъ онъ будетъ радъ, какъ будетъ радъ!..“ Сеня видѣлъ: будто бы онъ бѣгалъ въ большомъ паркѣ. Какіе-то мальчишки, босые, оборванные, толпой, съ гикомъ и гамомъ догнали его и крикнули: „Эй, Сенюшка, бѣжимъ вонъ къ той дуплистой липѣ, живо взберемся на нее, тамъ много гнѣздъ, сколько яицъ захватимъ — у-у!..“ А птицы стаями носились надъ липой и печально кричали. Сеня сказалъ ребятишкамъ: „Пожалѣемъ ихъ, вѣдь, изъ яичекъ выйдутъ ихъ дѣтки...“ И они пробѣжали мимо липы. Сны мѣнялись, мѣнялись мѣста, мѣнялись лица; видѣлъ Сеня и бѣлаго старика съ маленькимъ внукомъ его, Кирюшей. Старикъ сказалъ ему: „Ты пожалѣлъ насъ, ты хорошій, добрый. Хочешь серебряную медальку, сорокъ лѣтъ на груди ее ношу...“ Сеня замахалъ руками... Старикъ остановилъ его мягко: „Что ты отбиваешься... она не легко досталась!..“ —